

тала недосыгаемымъ для мелкихъ личныхъ соображеній — и когда міръ, въ которомъ пріютилась ея душа послѣ перваго крушенія, въ свою очередь рухнулъ, — то понятно, что жизнь должна была утратить для нея смыслъ и цѣну, а смерть показаться желаннымъ исходомъ. Эпизодъ съ лодкой, въ которой она отдалась на произволъ волнующагося моря, и зачумленнымъ селомъ, къ которому прибило лодку, при всей поэтичности, слишкомъ замесловать; но фактъ возвращенія къ вѣрѣ въ высокія истины, независимо отъ того, кто ихъ проповѣдывалъ, непреложенъ въ родахъ такого закала. Глубокимъ убѣжденіемъ звучатъ поэтому слова Ромолы: «низостью было съ моей стороны желать умереть. Если всё на свѣтѣ ложь — страданіе, которое можно облегчить, несомнѣнная истина». И читатель убѣжденъ, что дальнѣйшая жизнь ея будетъ осуществленіемъ этихъ словъ.

Въ романѣ имѣетъ совершенно мелодраматическій характеръ — одна исторія сумасшедшаго Бальтазаро. При всемъ томъ она хватаетъ за сердце, благодаря мастерскому изображенію душевнаго состоянія безпомощнаго старика, сознающаго, что теряетъ память и рассудокъ въ то самое время, какъ все существо его судорожно цѣпляется за прежнее я для осуществленія завѣтнаго, жгучаго желанія. — Языческое мирозозерцаніе сдѣлало для Бальтазаро мсть закономъ; и когда предательство Тито падаетъ тяжкимъ ударомъ на его сѣдую голову, уже распатанную крутымъ переломомъ въ судьбѣ и непосильными трудами неволи — его любовь превращается въ ненависть, въ инстинктивную жажду мести. Въ такомъ настроеніи слушаетъ онъ, укрывшись въ соборѣ, пламенную проповѣдь Савонаролы, громящую зло и злодѣевъ, и, разумѣется, слышитъ въ ней только то, что соотвѣтствуетъ его оскорбленному чувству — то, что касается часа отмщенія, вѣчныхъ каръ, вѣчныхъ мукъ. Онъ упивается восторгомъ проповѣдника и, подобно ему, готовъ идти на смерть за святое дѣло. Это переложеніе мотивовъ проповѣди на регистръ разстроеннаго мозга слушателя, одержимаго неотвязной мыслью, какъ равно и вся картина помѣшательства Бальтазаро, поразительно вѣрны и способны привести въ восторгъ психіатра. Вся театральность сценъ, въ которыхъ мы видимъ старика, исчезаетъ передъ осязательной реальностью его образа. Только заключительный эпизодъ между Бальтазаро и Тито все-таки желательно было бы замѣнить менѣ жестокой развязкой.

Переходимъ къ послѣднему изъ главныхъ лицъ. Нѣкоторые находятъ, что, послѣ Мелемы, интересъ романа сосредоточивается на характерѣ Савонаролы, одинаково замѣчательномъ съ исторіей